

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-13-19
УДК 343.125.5

Дата поступления статьи: 10/1/2019
Дата принятия статьи: 24/11/2019

С. Б. Россинский

ДИСКУССИЯ «ТАРАСОВ VS РОССИНСКИЙ» О ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ПОДВЕДЕНИЕ ПЕРВЫХ ИТОГОВ

© **Россинский Сергей Борисович** (s.rossinskiy@gmail.com), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права, **Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)**, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Тема докторской диссертации: «Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу». Автор 150 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Обыск в форме специальной операции» (2003), «Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу» (2015), «Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве» (2015), «Следственные действия» (2018), «Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход» (2019).

Область научных интересов: доказательства и доказывание в уголовном процессе, досудебное производство по уголовному делу.

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья освещает содержание выступления автора на всероссийской научно-практической конференции «Доказательственное значение задержания: за и против», проведенной 26 сентября 2018 г. на юридическом факультете Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

В статье анализируются причины возникновения дискуссии «Тарасов vs Россинский» между автором и заведующим кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета профессором А. А. Тарасовым о познавательной / непознавательной сущности задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Методологически отталкиваясь от правоограничительного характера задержания подозреваемого, автор приходит к выводу, что оно фактически остается «полицейской» мерой, применяемой в целях «внешнего», «допроцессуального» обеспечения благоприятного режима досудебного производства, а процессуальное решение о задержании не имеет «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты предварительного расследования.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, меры принуждения, познание в уголовном процессе, протокол задержания подозреваемого, фактическое задержание.

Цитирование. Россинский С. Б. Дискуссия «Тарасов vs Россинский» о задержании подозреваемого: подведение первых итогов // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-13-19>.

S. B. Rossinskiy**DISCUSSION «TARASOV VS ROSSINSKIY» ABOUT DETENTION OF THE SUSPECT:
SUMMING UP THE FIRST RESULTS**

© **Rossinskiy Sergey Borisovich** (s.rossinskiy@gmail.com), Doctor of Law, associate professor, professor of the Criminal Procedure Department, **Kutafin Moscow State Law University (MSAL)**, 9, Sadovaya-Kudrinskaya Street, Moscow, 125993, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Concept of the formation of “non-verbal” investigative and judicial actions results in a criminal case». Author of 150 scientific works, including textbooks and monographs: «Search in the special operation form» (2003), «Results of “non-verbal” investigative and judicial actions as a type of evidence in a criminal case» (2015), «Mechanism of formation of the results of “non-verbal” investigative and judicial actions in criminal proceedings» (2015), «Investigative actions» (2018), «Detention of the Suspect: the Constitutional Intersectoral Approach» (2019).

Research interests: criminal procedural evidence, preliminary criminal investigation.

ABSTRACT

This article describes the content of the author’s speech at the conference «Act of detention as evidence in criminal proceedings: Pros and Cons» (September 26, 2018, Samara National Research University, Faculty of Law).

The author analyzes the reasons for the discussion «Tarasov vs Rossinskiy» between him and professor A. A. Tarasov about the nature of detention of a person suspected of committing a crime.

The author concludes that detention actually remains a «police» act, which is used for maintaining proper investigation. And the procedural decision to detain does not have a «high» legal meaning, which is found in other resolute acts of preliminary investigation.

Key words: detention of a suspect, coercive measures, knowledge of the criminal process, protocol of detention of the suspect, actual detention.

Citation. Rossinskiy S. B. *Diskussiya «Tarasov vs Rossinskii» o zaderzhanii podozrevaemogo: podvedenie pervykh itogov* [Discussion «Tarasov vs Rossinskiy» about detention of the suspect: summing up the first results]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-13-19> [in Russian].

26 сентября 2018 г. на юридическом факультете Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева была проведена всероссийская научно-практическая конференция (в форме круглого стола) «Доказательственное значение задержания: за и против». Поводом для ее проведения послужила научная дискуссия «Тарасов vs Россинский», разгоревшаяся некоторое время назад между автором этих строк и заведующим кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета профессором А. А. Тарасовым о познавательной / непознавательной сущности задержания лица по подозрению в совершении преступления в контексте идей недавно ушедшего из жизни профессора С. А. Шейфера (1924–2017). Модератором Конференции и научным «арбитром Сторон» выступил заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М. В. Ломоносова профессор Л. В. Головкин, который любезно предоставил мне время, необходимое для аргументированного изложения своей позиции в вышеупомянутой полемике. Основное содержание и результаты своего выступления мне бы и хотелось осветить в рамках настоящей статьи.

Дискуссия «Тарасов vs Россинский» возникла в связи с циклом моих работ по проблемам задержания подозреваемого, увидевших свет в 2017–2018 гг., которые были весьма обстоятельно исследованы А. А. Тарасовым и вызвали с его стороны ряд критических замечаний [11, с. 63–67]. В связи с этим я посчитал необходимым продолжить затеянное и, как представилось, весьма интересное и перспективное обсуждение. Весной 2018 г. мной был подготовлен «ответ» научному оппоненту, несколько позднее опубликованный в журнале «Актуальные проблемы российского права» [9, с. 134–146].

Вместе с тем время идет вперед. А мне не хотелось бы прослыть научным консерватором, догматично заклившимся на высказанных ранее позициях. Я стараюсь двигаться дальше, диалектически развивать высказанные ранее идеи, частично переосмысливая затронутые в прежних публикациях проблемы и варианты их возможного решения. Тем более что вышеупомянутая статья А. А. Тарасова позволила заново «незамыленным взглядом» взглянуть на свои работы, задаться вопросами, почему они не в полной мере были позитивно оценены научной общественностью, восприняты не совсем так, как бы того хотелось, в чем

слабость моих доводов и аргументов, над чем еще предстоит поработать и т. д. И за это я в очередной раз выражаю признательность своему другу и новоиспеченному оппоненту.

За истекшее время автор этих строк наконец-то сумел обобщить все свои разрозненные идеи и суждения, «поселить их под одной крышей», интегрировать в рамках единого научного труда – монографии, посвященной комплексному рассмотрению различных аспектов задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве в контексте конституционно-межотраслевого подхода [10, с. 9–168]. Причем в ходе работы над книгой пришло понимание какой-то недосказанности, уразумение того, что задержание подозреваемого предполагает куда более глубокие проблемы, чем те, которые явились предметом дискуссии «Тарасов vs Россинский» и касаются его познавательного / непознавательного характера. Кстати, вполне возможно, что результаты моих последних научных изысканий станут поводом для еще более жарких споров и поднимут вопросы задержания подозреваемого на новую ступень развития. А может быть, наоборот, они позволят достигнуть доктринального компромисса, в определенной степени примирив существующие точки зрения.

В любом случае размышления по поводу дискуссии «Тарасов vs Россинский» привели к убеждению о ее несколько поверхностном, даже искусственном характере, обусловленном двумя факторами: а) особенностями юридической, в частности уголовно-процессуальной, науки; б) спецификой национальной системы уголовного судопроизводства в РФ.

Первый фактор заключается в том, что все иные (помимо юриспруденции) области знания, как известно, стоят на двух основных «китах»: теории и практике. Причем именно практика и является индикатором правильности или ошибочности той или иной теории. Об этом писали представители многих философских школ и течений, в частности марксизма-ленинизма. Если физик-теоретик выведет неверную формулу, то инженер не сможет воспользоваться ей в своей практической деятельности, иначе рухнет дом, не взлетит самолет и т. д. Если ученые-медики придут к неправильным выводам, то врачи окажутся бессильны в лечении тех или иных болезней и т. п. К сожалению, иногда человечество платит за подобные ошибки дорогую цену, но тем не менее их очевидность рано или поздно становится бесспорной и просто вынуждает пересматривать ту или иную теорию. Достаточно хотя бы вспомнить теоретические просчеты наших достопочтенных предков в части движения Земли вокруг Солнца, которые были окончательно выявлены лишь в 1582 году святейшей комиссией во главе с Папой Григорием XIII и привели к необходимости введения в странах католического мира нового Григорианского календаря. Еще один показательный пример – попытки средневековых медиков лечить распространенные в Европе венерические заболевания различными препаратами,

изготовленными на основе ртути (кстати, одним из первых этот метод предложил известный немецкий врач Парацельс). Подобная теория, окончательно опровергнутая лишь в XIX веке, стоила жизни многим тысячам инфицированных людей, умиравших от отравления вредными парами.

Совсем другое дело – правовая, в том числе уголовно-процессуальная, наука (доктрина). Во-первых, ввиду своего общественного характера теоретические просчеты ученых-юристов в принципе не столь заметны и очевидны, как, например, в физике, химии, биологии или медицине; иногда для осмысления и понимания подобной ошибки требуется не одна сотня лет.

А во-вторых, в фундаменте юриспруденции помимо теории и практики лежит еще третий «кит» – законодательство (нормативные акты), то есть совокупность формально установленных государством общеобязательных правил поведения. И в этой связи представляется, что многие существующие в правовой сфере проблемы и трудности обусловлены именно серьезными расхождениями качественной научной доктрины с результатами правотворческой деятельности.

Почему так происходит, почему действующее законодательство далеко не безгрешно и в ряде случаев противоречит разумным доктринальным постулатам и концепциям – вопрос крайне сложный, неоднозначный, упирающийся в целый комплекс различных причин. Видимо, отчасти это связано с вышеуказанными трудностями в проверке правильности или ошибочности той или иной теории; отчасти – ввиду сложного нормотворческого процесса, обусловленного необходимостью достижения компромиссов между различными социальными группами, государственными органами и прочими заинтересованными субъектами; отчасти – просто из-за низкого качества работы законодателя и т. д. Да и вообще данные проблемы имеют куда более концептуальный характер, требуют самостоятельного исследования и вряд ли подлежат столь подробному освещению в рамках настоящей статьи.

Стоит ограничиться лишь констатацией самого факта об отсутствии согласованности многих доктринальных постулатов с соответствующими положениями действующего законодательства, которые самым негативным образом сказываются на правоприменительной практике. Специалистам в области судопроизводства известно множество подобных «болевых точек», когда теория пытается подсказать наиболее разумный и рациональный способ поведения, а закон его прямо запрещает, не предусматривает или предполагает такой процессуальный режим, при котором данный алгоритм становится просто бессмысленным.

В этой связи хотелось бы ненадолго отвлечься от уголовного процесса и проанализировать действия хирурга перед удалением аппендицита. Многолетние научные изыскания в области медицины позволили выработать ряд простейших требований, которые выполняет каждый врач, приступающий

к операции: тщательно вымыть руки, надеть резиновые перчатки, заранее приготовить стерильные инструменты и т. д. Сегодня вряд ли кто-то не согласится с правилами подобной гигиены.

А далее следует мысленно представить, что существует некий закон или приказ Минздрава России, прямо предписывающий производить подобные операции не в резиновых, а в рабочих трикотажных перчатках и не стерильным скальпелем, а ножом, предназначенным для разделки туши крупного животного.

В каком положении окажется хирург? Очевидно, станет изобретать какие-то сложные «обходные» пути, позволяющие качественно провести операцию в условиях действия более чем странного нормативного акта. Будут ли эти вопросы предметом обсуждения среди ученых-медиков? Конечно, будут. Причем самые жаркие дискуссии разгорятся именно в части правомерности / неправомерности этих самых «обходных» путей.

Конечно, приведенный пример уж слишком курьезен и фантастичен. Однако внимательный читатель, разбирающийся в вопросах уголовного судопроизводства, без труда найдет в нем прямую аналогию с предметом дискуссии «Тарасов vs Россинский» по поводу познавательного / непознавательного характера задержания лица по подозрению в совершении преступления. Ведь все связанные с ней вопросы по сути упираются в одну серьезную проблему – проблему использования в доказывании результатов непроцессуальной (оперативно-розыскной или административной) деятельности правоохранительных органов, которые осуществляют фактический захват и доставку задержанных к дознавателю или следователю.

Большое, в некоторых случаях даже ключевое, познавательное значение результатов непроцессуальной деятельности (оперативного эксперимента, проверочной закупки, личного досмотра и т. д.) – это неоспоримый факт, признаваемый всеми специалистами, работающими в данном научном направлении [1, с. 284; 3, с. 7; 8, с. 4]. Однако уголовно-процессуальный закон, в частности ст. 89 УПК РФ, полностью блокирует возможность их использования в процессе доказывания по причине их несоответствия требованиям уголовно-процессуальной формы, необремененности гарантиями доброкачественности.

Представляется, что именно отсюда и берет начало поиск тех самых «обходных» путей, позволяющих качественно собрать доказательственную базу в условиях действия несовершенного нормативного акта. А одним из таких путей как раз и является идея о придании познавательного значения протоколу задержания. Достаточно вспомнить высказанную по этому поводу позицию С. А. Шейфера. Приводя уже ставший притчей во языцех пример о задержании в ночное время сотрудниками милиции при выходе из магазина человека с транзисторным телевизором, двумя фотоаппаратами, тремя магнитофонами и электрогитарой, ученый полагал, что отображение всех этих сведений в

протоколе задержания позволяет придать им надлежащую процессуальную форму и доказательственное значение. Тогда как в противном случае они могут быть зафиксированы лишь рапортом сотрудника органа внутренних дел, который, в отличие от протокола, процессуальным документом не является [12, с. 65–66].

Искренне болея душой за развитие уголовного судопроизводства, и С. А. Шейфер, и А. А. Тарасов в своих доводах исходят не из сугубо доктринальных позиций, а из реальных возможностей следственной практики, ограниченной рамками далеко не совершенной процессуальной формы. Иными словами, ученые как бы подсказывают правоприменителю единственно «допустимый» прикладной выход из подобной ситуации.

Вторым фактором, повлиявшим на возникновение дискуссии «Тарасов vs Россинский», как уже отмечалось выше, является специфика сложившейся в Российской Федерации ввиду целого ряда причин и исторических катаклизмов XX века особой, самобытной, так сказать, национальной модели уголовного судопроизводства, предполагающей интеграцию «классических» следственных полномочий с «полицейскими», относящей процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств. Представляется, что основной «разрыв в цепи» произошел в 1928 году, когда народные следователи были выведены из ведения судов и полностью подчинены органам прокуратуры (Наркомату юстиции). А кардинальный процессуальный «перелом» в этой части случился во время реформы уголовного судопроизводства конца 1950-х – начала 1960-х годов, формально легализовавшей право следователя на задержание подозреваемого.

Очевидно, в этом и кроется основная причина заложенной в советское процессуальное законодательство традиции оформления процессуального решения о задержании подозреваемого не постановлением, а протоколом [10, с. 114–119]. В этой связи необходимо напомнить, что именно протокольная форма фиксации во многом повлияла на позиции авторов, относящих задержание подозреваемого к числу следственных действий и, таким образом, выдвигающих тезис о его познавательной направленности.

Кстати, изначально протокол как документ, фиксирующий действия по задержанию подозреваемого, вообще не имел никакого процессуального характера, а позиционировался как служебный милицкий документ, составляемый на месте задержания. Впервые он был регламентирован в Инструкции об организации милиции 1918 года. В примечании к п. 2 ст. 28 этого нормативного акта указывалось: «О каждом случае задержания советская милиция составляет протокол с точным обозначением места, дня и часа задержания, а равно основания применения этой меры».

Все указанные обстоятельства еще раз подтверждают, что феномен задержания подозреваемого не упирается лишь в заложенные в предмет

дискуссии «Тарасов vs Россинский» вопросы, а обусловлен куда более сложными проблемами. Думается, что решать эти проблемы следует не посредством толкования закона (не держа перед собой открытый Уголовно-процессуальный кодекс; он должен лежать где-то сбоку), а с методологических позиций – при четком и ясном понимании целей данного правоограничительного механизма.

Каковы же цели задержания подозреваемого? Анализ абсолютного большинства научных позиций по данному поводу [2, с. 11; 4, с. 140; 6, с. 30; 7, с. 181] предопределяет вполне очевидный вывод: основная цель задержания подозреваемого – это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», то есть в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста. В качестве дополнительных, но не менее важных целей задержания подозреваемого следует назвать: а) воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т. д.); б) пресечение иной преступной деятельности.

Сложный комплексный характер задержания подозреваемого (фактическое задержание → доставление → составление протокола и т. д.), предполагающий его многогранность, неоднородную правовую природу, невольно наводит на закономерный вопрос: а в какой конкретный момент человек реально оказывается во власти правоохранительных органов и лишается возможности свободно располагать собой?

Ответ на него очевиден. Это происходит одновременно с так называемым фактическим задержанием (захватом), являющимся самым первым (допроцессуальным) этапом всей процедуры задержания подозреваемого в совершении преступления. Именно в тот момент реально ограничивается предусмотренное ст. 22 Конституции РФ право на свободу и личную неприкосновенность; тогда же человеку предоставляются основные юридические гарантии, оберегающие статус задержанного и его последующие взаимоотношения с правоохранительными органами.

Получается, что система действующего законодательства предполагает весьма интересный феномен. Основная цель прямо предусмотренного УПК РФ уголовно-процессуального механизма достигается за рамками уголовного судопроизводства (часто даже до возбуждения уголовного дела) в ходе реализации своих служебных полномочий лицами, не входящими в круг участников предварительного расследования. Органы дознания и предварительного следствия получают в свое ведение задержанного уже после обеспечения необходимых условий нахождения данного лица «при уголовном деле» (а как же иначе!), пресечения возможности попыток воспрепятствовать их деятельности и продолжить криминальное поведение.

Но если так, то какую же цель тогда преследует собственно процессуальное решение о задержании подозреваемого, принимаемое в порядке ст. 91–92 УПК РФ? Представляется, что лишь только одну. Посредством составления протокола следователь осуществляют своеобразную процессуальную легализацию принятого ранее полицией или иными правоохранительными органами акта ограничения конституционного права лица на свободу и личную неприкосновенность.

Исходя из predetermined международных правовыми стандартами и Конституцией РФ подходов, процессуальное решение о задержании не привносит в уголовное дело ничего нового, не обуславливает ни возникновения, ни изменения, ни прекращения никаких принципиально новых правоотношений. Все основные права (на телефонный звонок, на уведомление заинтересованных лиц, на защиту и т. д.) задержанный получает с момента своего захвата. Кстати, эти права также не имеют ярко выраженного процессуального характера и вполне могут быть обеспечены правоохранительными органами, например, в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Протокол задержания даже нельзя признать неким «актом приема-передачи» доставленного лица из ведения приведших его сотрудников в распоряжение следователя с переходом к последнему всей полноты ответственности за судьбу данного человека. Ведь согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол должен быть составлен не сразу, а в течение 3 часов с момента доставления. Этот срок установлен для проведения необходимых для обоснования задержания процессуальных действий, во время которых доставленный уже находится в зоне ответственности субъекта уголовной юрисдикции.

Представляется, что процессуальное решение о задержании не имеет «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты предварительного расследования. Протоколу задержания подозреваемого в том виде, в каком он существует в общей системе правового регулирования, по существу более подходит роль некоего технического документа, составляемого для «внутреннего» пользования, например для руководителя следственного органа в целях более эффективного ведомственного контроля за законностью деятельности своих подчиненных.

Не уверен, уместно ли здесь приводимое сравнение, но решение о задержании подозреваемого формально скорее напоминает своеобразный «протокол о намерениях», посредством которого следователь фиксирует свой замысел на дальнейшее применение к лицу меры пресечения арестантского характера. Кстати, в данном контексте процессуальный акт задержания вообще теряет всякий смысл, поскольку ровно те же самые намерения, но уже обличенные в более развернутую и мотивированную форму, вытекают из следующего по порядку документа – ходатайства в суд о заключении задержанного под стражу или под домашний арест (ч. 3 ст. 108 УПК РФ).

Таким образом, напрашивается не совсем «традиционный», своеобразный, но тем не менее единственно возможный вывод: процессуальное решение следователя о задержании подозреваемого – лишнее звено в механизме краткосрочного (внесудебного) ограничения конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность в преддверии его предполагаемого заключения под стражу или домашнего ареста. А для оформления правовых намерений органов предварительного расследования применить к задержанному данные меры пресечения вполне достаточно иных предусмотренных УПК РФ процессуальных средств, в частности направляемого в суд ходатайства в порядке ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

Несмотря на все попытки советского, а затем и российского законодателя ввести задержание подозреваемого в сферу уголовно-процессуального регулирования, оно фактически остается превентивной «полицейской» мерой, применяемой лишь в целях как бы «внешнего», «запроцессуального» обеспечения благоприятного режима досудебного производства по уголовному делу. Такой она представлялась еще дореволюционному законодателю, таковой она, очевидно, останется и впредь.

В этой связи весьма уместно привести позицию Л. В. Головки. Автор пишет, что во всех правопорядках между задержанием кратковременным и задержанием длительным (заключением под стражу) есть принципиальная разница: задержание является по своей природе полицейской мерой, а заключение под стражу – мерой судебной. Называться эти меры могут по-разному в соответствии с национальной терминологической традицией, более устойчивой в континентальных правопорядках, например, французское противопоставление *garde à vue* (задержание) и *détention provisoire* (заключение под стражу). Однако само по себе разграничение двух принципиально отличных друг от друга форм ограничения физической свободы лица является объективной и универсальной константой [5, с. 525].

Автору настоящей статьи не хотелось бы, чтобы высказанная позиция была истолкована превратно – как полностью исключая какое-либо процессуальное участие следователя в процедуре задержания лица по подозрению в совершении преступления. Я вовсе не ратую за полное упразднение следственного присутствия в этом механизме. В конце концов, подобные полномочия обусловлены международно-правовыми стандартами, в том числе ч. 3 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; они же вытекают из системы действующего законодательства РФ. Именно следователь как субъект уголовной юрисдикции осуществляет проверку законности и обоснованности «полицейского» задержания, определяя дальнейшее положение подозреваемого и принимая на себя всю полноту процессуальной ответственности за его судьбу.

Я лишь выступаю за упразднение самого процессуального решения о задержании как самостоятельного резолютивного акта, который не имеет никакого юридического смысла и лишь дублирует

предшествующие «полицейские» документы. Представляется, что законность и обоснованность задержания подозреваемого вполне могут быть обеспечены не протоколом, оформляемым в порядке ст. 91–92 УПК РФ, а иными процессуальными актами: мотивированным ходатайством в суд об избрании в отношении лица меры пресечения арестантского характера или, наоборот, постановлением об его освобождении из-под стражи, выносимым в порядке ч. 1 ст. 94 УПК РФ.

Предлагая на строгий суд читателей вышеприведенную точку зрения, автор прекрасно понимает вероятность ее скептических оценок со стороны блюстителей «традиционных» подходов к задержанию подозреваемого. И тем не менее осознанно идет на подобные исследовательские риски в надежде усовершенствовать существующие законодательные механизмы и оптимизировать сложившуюся правоприменительную практику в контексте поиска разумного баланса между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами личности как одной из основных задач уголовно-процессуальной науки.

Я также отчетливо предвижу все возможные упреки данной работы со стороны представителей либеральной общественности и иных любителей «спекулировать» правами человека – мол, автор хочет упростить и без того слабо обеспечивающую защиту личности процессуальную форму, не учитывает соответствующие международно-правовые стандарты, да и вообще ратует за создание еще более карательного механизма задержания подозреваемого даже по сравнению с тем, который существует в настоящее время.

Да, действительно предлагаемые новации предполагают некоторое упрощение процессуальной формы. Но так ли это опасно для правовой защищенности лиц, волею судьбы подвергаемых уголовному преследованию? Представляется, что не так. Сама по себе формализация никоим образом не обуславливает уровень обеспеченности участников уголовного дела юридическими гарантиями. Процессуальная форма должна быть не «сильной» или «слабой», а реально выполнимой (практически реализуемой), отвечающей целям уголовного судопроизводства и его отдельных актов, здравому смыслу, национальным традициям и вышеуказанному разумному балансу между публичными и частными интересами. И именно поэтому в своих работах применительно к одним правоотношениям я выступаю за усиление процессуальной формы, а применительно к другим – наоборот, за ее упрощение.

В завершение следует отметить, что затронутые проблемы и предложенные варианты их решения невольно обуславливают некоторый пересмотр, переосмысление и дальнейшее развитие иных вопросов, касающихся задержания подозреваемого, в частности его оснований, осуществления фактического захвата лица, необходимости составления протокола и т. д. Именно эти вопросы я и постарался осветить в своей новой книге «Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход» [10].

Библиографический список

1. Астафьев Ю. В. Методологические основы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной информации в расследовании преступлений // Вестник ВГУ. Серия Право. 2007. № 1. С. 280–290. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2007/01/2007-01-26.pdf>.

2. Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М.: Академия МВД СССР, 1975. 93 с.

3. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009. 374 с. URL: https://studbooks.net/847199/pravo/formirovanie_dokazatelstv_osnove_rezultatov_operativno-rozysknoy_deyatelnosti.

4. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1975. 175 с. URL: https://studref.com/315698/pravo/ugolovno_protsestualnoe_prinuzhdenie.

5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с. URL: <http://be5.biz/pravo/u010/index.html>.

6. Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я. Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе. Алма-Ата: Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961.

7. Муравьев К. В. Меры уголовно-процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 228 с. URL: <http://www.iuaj.net/node/2226>.

8. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Новгород, Нижегородская Академия МВД России, 2002. 442 с. URL: <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.09/2016/03/19/030529027.doc.html>.

9. Россинский С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.134-145.

10. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 192 с. DOI:10.31085/9785392288205-2019-192.

11. Тарасов А. А. С. А. Шейфер о познавательной сущности задержания подозреваемого // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4 С. 63–67.

12. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

References

1. Astafiev Yu. V. *Metodologicheskie osnovy sootnosheniya operativno-rozysknoi i dokazatel'stvennoi informatsii v rassledovanii prestuplenii* [Methodological basis of correlation of operational-investigative and evidentiary information in the investigation of crimes]. *Vestnik VGU. Seriya Pravo* [Scientific journal. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2007, no. 1, pp. 280–290. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2007/01/2007-01-26.pdf> [in Russian].

2. Berezin M. N., Gutkin I. M., Chuvilev A. A. *Zaderzhanie v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Detention in Soviet criminal proceedings]. M.: Akademiya MVD SSSR, 1975, 93 p. [in Russian].

3. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti* [Formation of evidence based on the results of investigative activities]. M.: Prospekt, 2009, 374 p. Available at: https://studbooks.net/847199/pravo/formirovanie_dokazatelstv_osnove_rezultatov_operativno-rozysknoy_deyatelnosti [in Russian].

4. Kovriga Z. F. *Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdenie* [Criminal-procedural forcing]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet, 1975, 175 p. Available at: https://studref.com/315698/pravo/ugolovno_protsestualnoe_prinuzhdenie [in Russian].

5. *Kurs ugolovno protsessa. Pod red. L. V. Golovko* [The course of the criminal process. L. V. Golovko (Ed.)]. M.: Statut, 2016, 1278 p. Available at: <http://be5.biz/pravo/u010/index.html> [in Russian].

6. Livshits Y. D., Ginzburg A. Ya. *Mery presecheniya i zaderzhanie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preventive measures and detention in the Soviet criminal process]. Alma-Ata: Alma-Atinskoe otdelenie FZO VSh MVD SSSR, 1961 [in Russian].

7. Muravyev K. V. *Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobyie sredstva ugolovno-pravovogo vozdeistviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya* [Measures of procedural enforcement – specific actions of criminal enforcement: doctrine, application, optimization]. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2017, 228 p. Available at: <http://www.iuaj.net/node/2226> [in Russian].

8. Polyakov M. P. *Ugolovno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti: dis. ... dis. yurid. nauk* [Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities: Doctor's of Laws thesis]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, 2002. 442 p. Available at: <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.09/2016/03/19/030529027.doc.html> [in Russian].

9. Rossinsky S. B. *Diskussiya o sushchnosti i pravovoi prirode zaderzhaniya podozrevaemogo prodolzhaetsya* [Discussion about the Essence and Legal Nature of the Suspect's Detention Continues]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2018, no. 6, pp. 134–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.134-145 [in Russian].

10. Rossinsky S. B. *Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitutsionno-mezhotraslevoi podkhod: monografiya* [Detention of the suspect: constitutional-inter-branch approach: monograph]. M.: Prospekt, 2019, 192 p. DOI: 10.31085/9785392288205-2019-192 [in Russian].

11. Tarasov A. A. S. A. *Sheifer o poznavatel'noi sushchnosti zaderzhaniya podozrevaemogo* [S. A. Sheifer about the cognitive essence of the detention of the suspected]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical journal of Samara University], 2017, no. 4, pp. 63–67. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/6043> [in Russian].

12. Schafer S. A. *Sledstvennye deistviya. Sistema i protsestual'naya forma* [Investigative activities. System and procedural form]. M.: Yurлитинформ, 2001, 208 p. [in Russian].